

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

УМЕНИЕ УМИРАТЬ,
ИЛИ
ИСКУССТВО
ЖИТЬ

архимандрит Рафаил Карелин

Умение умирать, или Искусство жить

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29802619

*Умение умирать или Искусство жить / Архимандрит Рафаил
(Карелин): Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры;*

Москва; 2004

ISBN 5-7789-0164-X

Аннотация

В чем заключается это искусство – искусство жить? Автор настоящей книги, архимандрит Рафаил (Карелин), дает на этот вопрос ответ неожиданный, от которого многим, быть может, станет в первый момент не по себе. Искусство жить заключается, согласно его точке зрения, в умении... умирать. Да, действительно умирать – для мира, для царящего в нем греха, для поработивших наше сердце страстей.

Содержание

От издательства	5
О времени и смерти	9
Загадка времени	10
Наш друг и наш враг	18
Ворон и сова, колокол и часы	23
Кто помнит о смерти, тот не может грешить	36
Как умирают люди	50
Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны...	56
Обманутые миром	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Архимандрит

Рафаил (Карелин)

Умение умирать или

искусство жить. О

памяти смертной,

Заповедях Божиих и

послушании, а также иных

предметах, душеполезных

*По благословению епископа Саратовского и Вольского
Лонгина*

От издательства

В чем заключается это искусство – искусство жить? Автор настоящей книги, архимандрит Рафаил (Карелин), дает на этот вопрос ответ неожиданный, от которого многим, быть может, станет в первый момент не по себе. Искусство жить заключается, согласно его точке зрения, в умении... умирать. Да, действительно умирать – для мира, для царящего в нем греха, для поработивших наше сердце страстей.

Многое должно отличать христианина от людей, не знающих Бога и без Бога живущих. Но одно из самых коренных отличий – в отношении к вопросу жизни и смерти. Для человека неверующего смерть – последняя черта, за которой уже ничего нет. Для христианина – грань, отделяющая время от вечности, жизнь краткую и призрачную от бесконечной и истинной.

Если земная жизнь на самом деле так коротка, если она исполнена скорбей, если нет в ней подлинного, непреходящего счастья, то зачем же дал нам ее любящий, милосердный Господь? Для того чтобы, познав, как бессмысленна она сама по себе, мы искали смысл своего существования за ее пределами. Для того чтобы поняли, что она – время покаяния, а не радости и утех, время делания, а не время воздаяния. Для того чтобы увидели себя в ней путниками, идущими по дороге в вечность, по той дороге, на которой мы должны взыс-

кать и действительно обрести Бога.

Здесь, на земле, решается наша вечная участь. Решается она не Богом, но нами. Господь есть бесконечная Мудрость, неизреченная, недомыслимая Любовь. По любви Своей Он желает спасти каждого из нас. По мудрости Своей знает, как это сделать. От нас же зависит принять это спасение или отвергнуть его.

Соединяет человека с Богом исполнение Его всесвятии воли. Нарушает это единение, отторгает от Бога, становится как бы стеной между Ним и человеком жизнь по воле своего развращенного, испорченного сердца. Воля Божия открыта для нас, выражена самым полным и определенным образом в заповедях Господних, в послушании которым и заключается спасение человека. Вообще послушание – это такая добродетель, без которой, по слову преподобного Иоанна Лествичника, никто из оплетенных страстями не увидит Бога¹. Дьявол – непокорный, мятежный дух, дух противления, безумного своеволия. И потому послушание – как образ жизни, а самое главное, как внутреннее устройство души, необходимо: оно как бы исторгает человека из демонских рук и передает его в руки Божии.

Все эти истины должны, кажется, быть совершенно очевидны для любого христианина. Но одна из тяжелейших душевных болезней есть забвение, забвение о должном, к ко-

¹ См.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Слово 4, глава 8. М., 2002.– Ред.

торому приводит человека его рассеянная жизнь, его нерадение, а более всего обольститель-мир и еще худший обольститель – диавол. И если этот недуг – забвение – поражал и расстраивал внутреннюю жизнь людей (а при невнимании их к себе и совершенно губил) во все времена, то тем более – в наши дни.

Вот почему так отрадно представлять читателю эту новую книгу отца Рафаила: она, как никогда, своевременна именно сейчас. Обращенная к душе человека, к его сердцу, она действует, словно рука, которая решительно отдергивает закрывающую внутренние очи христианина завесу забвения, открывает ему истину о том, что есть и что – будет. Иногда автор кажется чрезмерно категоричным в своих оценках, иногда его слова попросту представляются страшными – так, что у читающего их невольно рождается вопрос: «Да как же можно обо всем этом говорить?..». Но самое главное – то, о чем пишет здесь отец Рафаил, действительно правда, и об этом необходимо знать человеку, чтобы не потерять зря, не погубить данного ему Богом драгоценного дара – вечной жизни.

Статьи, из которых составила́сь книга, написаны в разное время. Поэтому в них порой встречаются некоторые повторы, они точно перекликаются друг с другом, отец Рафаил как бы возвращается к уже сказанному, чтобы взглянуть на него несколько иначе, дополнить, уяснить. Это совсем не затрудняет чтение, скорее наоборот, сообщает книге некую цельность, она оказывается словно прошита единой нитью

– мировоззрением, мироощущением автора, его последовательностью и определенностью в своих взглядах. Кроме того, здесь отец Рафаил много говорит о смерти, о скоротечности земного бытия, о необходимости готовиться к переходу в вечность, к ответу за прожитую жизнь. Говорит о том, что важнее всего и о чем человеку бывает так трудно и так неприятно помнить. И «лишнее» слово тут не окажется лишним, а скорее войдет в сердце читающего, зазвучит в унисон с голосом совести, заставит пристальнее, требовательнее всмотреться в себя. Заставит по-настоящему захотеть научиться тому искусству, которому книга посвящена, – искусству жить, как подобает христианину.

О времени и смерти

Загадка времени

Загадку времени разрешить невозможно. Но древние мудрецы старались хотя бы как-то приоткрыть ее через символы и аллегории, представить время в неких осязаемых образах. Один из таких образов – Кронос¹ – свирепое и беспощадное божество, пожирающее собственных детей. Время порождает дни и ночи: дни – как своих сыновей, ночи – как дочерей, и тут же пожирает их без остатка. Века и тысячелетия исчезают в утробе ненасытного времени.

У персов и мидян аналогом эллинского Кроноса выступает божество времени Зерван². Он изображается в виде че-

ловека со звериной головой и двумя крыльями. Зерван стоит на шаре, в руках у него жезл. Катящийся шар означает движение времени, которое никогда не останавливается, не прерывается, не возвращается назад; кроме того, шар означает космос, поскольку древние именно шар считали самым совершенным геометрическим телом. Время царствует над космосом, оно попирает его своей ногой. Жезл в руках Зервана – символ высшей власти: ничто не может сопротивляться времени, никто не может противостоять ему.

Голова Зервана – голова чудовища: время не царь, а тиран, оно правит с неумолимой жестокостью, у него нет ни предшественников, ни потомков, оно рождено само из себя, оно умерщвляет всех, кого ни встретит на своем пути. У Зервана есть крылья: время вездесуще, от него нельзя укрыться ни в пропастях земных, ни на вершинах гор, ни в бездне неба, наполненной звездами. Своим жезлом Зерван разрушает скалы и свергает с небес звезды. Зерван всегда один. Он самодержец мира. Никто не смеет приблизиться к нему и встать рядом с ним. Только божество смерти выходит навстречу Зервану, чтобы получить из его руки свою добычу.

Другой образ времени – это египетский сфинкс³, лежащий у подножия пирамид в пустыне и словно стерегущий царство смерти. Сфинкс отчасти похож на Зервана, только наоборот: у него туловище льва, а голова и грудь человека. Это божество философов, которое вступает в диалоги с людьми, задает им вопросы, предлагает загадки, а затем уби-

вает их. Философы и мудрецы пытаются разгадать тайны, хранимые сфинксом, ответить на его вопросы, но оказываются беспомощными, как дети. И сфинкс играет с ними, как с детьми, а затем давит их своей львиной лапой. Мудрецы и философы не могут вырваться из-под власти времени, не могут разгадать загадок сфинкса, не могут защититься силой своей диалектики, которой они поражали и пленяли мир, и потому разделяют одну участь с невеждами, умирают, так и не узнав: откуда, куда и зачем². Ибо это может открыть людям только Тот, Кто выше времени.

У сфинкса голова и грудь женщины. Голова женщины – символ земной красоты. Время очаровывает людей, привязывает, влечет их к себе, словно змея взглядом – свою жертву. Одна грудь сфинкса означает жизнь, другая – смерть. Во времени начинается жизнь человека, во времени заканчивается его земное бытие. Одна грудь наполнена молоком, другая – ядом. Сфинкс выбрал себе место в пустыне, как бы на границе с вечностью. Тот, кто воздвигал пирамиды, думал победить само время, но владеет ими сегодня сфинкс. Эти рукотворенные горы, четырехгранные символы огня – только лишь иллюзия бессмертия.

Вавилоняне имели в алтарях своих храмов – зиккуратов⁴ – странное спиралеобразное изображение, также представ-

² Вероятно, надо понимать это так: «Откуда явились мы в этот мир? Зачем оказались здесь, в юдоли страданий и плача? Куда пойдём, оставив ее, и где водворимся?». – *Ред.*

лявшее собой символ времени. Это как бы и круг, и прямая линия: время прямолинейно, но вместе с тем содержит в себе некие циклы, которые, не замыкаясь в сплошной круг, переходят один в другой. Эти циклы древние наблюдали повсюду: от космических явлений (движения светил) до событий человеческой истории. Это проекция времени в космосе, или космоса во времени.

Древние индейские племена майя и инки большинство своих храмов посвящали грозному божеству времени. Они строили их на высоком, подобном холму основании, каждая сторона которого представляла собой лестницу с каменными ступенями. Сам храм, стоявший наверху, имел вид усеченной пирамиды³. Ступени символически означали дни человеческой жизни. На площадке храма ежегодно приносились человеческие жертвы⁴, как бы в знак того, что ненасытное время требует жертв, что люди – его пленники и заложники, что смерть – это апофеоз времени.

³ Интересно, что эти храмы послужили прообразом мавзолеев. – *Авт.*

⁴ Жертвы приносились страшным образом: жрец делал ножом надрез на груди человека, вырывал своей рукой его сердце и бросал на алтарь свирепому «божеству». В праздники таким образом предавали смерти до нескольких тысяч человек, преимущественно пленников. – *Авт.*

Древние греки придумали еще один образ времени: лысый человек, бегущий по лезвию бритвы. Его нельзя догнать и схватить за волосы – так и время нельзя догнать и вернуть. Лезвие бритвы означает необратимость времени, его однородность: бегущий по нему человек не может свернуть в сторону. Но здесь и еще один смысл: условность самого времени. Прошлого нет, так как оно миновало. Из реальности оно превратилось в нечто лишь мыслимое. Будущего также объективно нет, оно не наступило, оно всё – в области предположений, в некой потенции бытия, опять-таки – в области мыслимого. Реально только настоящее, но и оно не более чем грань между прошлым и будущим, тонкая, как острие брит-

вы.

Древние не могли раскрыть тайну времени. Они не могли раскрыть тайну вечности, которая представлялась им какой-то статикой или паузой между циклами космической истории. Поэтому для древних время было знаком обреченности, было подобно страшной змее, намертво сжимающей в своих кольцах добычу.

Тайной времени владеет Церковь, но эта тайна проста. Бог создал время как приготовление к вечности. Время не безначально и не бесконечно, оно протекает на фоне вечности. Время – это состояние подготовки и выбора, перекресток дорог, где решается главный вопрос человеческого существования: с кем человек – с Богом или без Бога. Время – это возможность изменения, становления человеческой личности, проявления или утраты богоподобия, приобретения того, что раскроется в вечности.

Здесь, на земле, – пребывание, в вечности – истинное бытие. Время – поле испытания человека, а вечность – принадлежность Самого Божества, поэтому для христианина вечность открывается во времени, через приобщение души к предвечной благодати. Образно говоря, вечность – это как бы дыхание Божества, которое душа может ощутить во время молитвы. Для неверующего, как и для древнего язычника, время – лишь преддверие смерти, негатив бытия, крушение человеческих надежд. Поэтому у неверующих остается только один способ бороться со временем и смертью – за-

быть о них.

Для христианина время – это великий Божий дар и вместе с тем огромная ответственность: ведь вечность может стать для нас и бесконечной потерей Бога.

Наш друг и наш враг

Представьте ребенка, который хочет поймать своей рукой луч света. Он сжимает пальчики, ему кажется, что солнечный луч зажат между ними, но затем он раскрывает ладонь и видит, что в ней ничего нет. Так невозможно человеку удерживать мгновение. Время течет, как широкая бесшумная река. Что ни делает человек: спит он или бодрствует, работает или молится, думает о смысле жизни или погружен в суету своих страстей, – час за часом, день за днем волны этой реки в неустанном беге стремятся друг за другом; как нельзя остановить течение реки, так же нельзя остановить время. Герои истории совершали великие деяния, одерживали победы над врагами, основывали огромные империи, возводили неприступные крепости, создавали висящие на цепях сады и цветники, сооружали здания, которые именовались чудесами света, но... никто из них не смог вернуть обратно ни одного прошедшего мгновения, ни один из величайших умов человечества не смог повернуть реку времени вспять. Эта река унесла их, как песчинку, в океан вечности; они проснулись из небытия и снова погрузились в сон.

Представьте другой пример: ребенок бежит за собственной тенью и хочет настигнуть ее. Он ускоряет шаг, но все равно не может ее догнать: чем быстрее человек гонится за тенью, тем быстрее тень убегает от него. Невозможно до-

гнать крылатое время.

Время – в постоянном самоуничтожении. Древние изображали его в виде змеи, заглатывающей собственный хвост. Время – атрибут относительного бытия. Во времени нет прошлого: оно безвозвратно исчезло; во времени нет будущего: оно только предполагается; во времени нет настоящего: это луч, не имеющий ни длины, ни ширины, непрерывно скользящий от уже потерянного прошлого к еще не существующему будущему. Пока наши органы чувств пытаются зафиксировать время как настоящее, оно уже прошло, превратилось в прошлое, эта волна пронеслась мимо нас. Значит, настоящее – лишь воспоминание о недавнем прошлом, косность органов наших чувств, которые доносят до нас мгновение, которого уже нет. Значит, настоящее – это только след прошлого и ожидание будущего.

Сама смерть – это не выход из времени; просто душа человека переходит в состояние нового восприятия времени, неведомое нам. Время исчезнет тогда, когда небо и земля сгорят в космическом пламени⁵, которое не уничтожит, а преобразит мир. До Страшного Суда время царит не только на земле, но и на небе и в преисподней. Души святых ждут воскресения тел, души грешников – милости Божией по молитвам Церкви и тех, кто творит милостыню за них на земле.

⁵ См.: *Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят* (2 Пет. 3, 10). – Ред.

Изменение предполагает время, это движение по горизонтали. Вечность – это движение по вертикали, в ней нет изменений как переходов из одного состояния в другое, в ней – раскрытие содержания человеческой души.

В вечности нет той потери бытия, которую философы называют асимметрией времени: там нет периодов, которые сменяются один другим; вечность – это не неподвижность, не статика, но движение, динамика, только иного характера, нежели динамика времени.

Время одномерно, а вечность многомерна. Понять это трудно. Предположим, плоскость, которая двухмерна, получила третье измерение, стала объемной. Так, образно говоря, и в вечности: то, что было одномерным, становится многомерным, и человек, не теряя прошлого, расширяет настоящее, и в этом настоящем через приобщение к благодати открывается все новое и новое: новые объемы бытия, новые емкости восприятия. Время – это перемена; перемена связана с потерей. В вечности – новое без потерь. Вечность – это истинное бытие. Время – это этап. Время не переходит в вечность, и вечность не переходит во время. Время проходит на фоне вечности. Это период становления, утробный период вечности. В Апокалипсисе говорится, что после Страшного Суда времени уже не будет⁶.

⁶ *И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна*

Есть два вида бессмертия. Первый – бессмертие святых, вечное приближение к Богу, поступательное движение к Божеству, все новые озарения Божественной благодати, когда прошлое не исчезает, а становится подобием настоящего, настоящее не превращается в прошлое, а становится подобием будущего. Но вечная жизнь – это не только самораскрытие, это общение, где существует два полюса: для спасенных – это Бог, для погибших – сатана. Общение с Богом – истинная жизнь, общение с сатаной – бытие как антижизнь, бытие как вечное умирание. Когда мы говорим о двух полюсах, то вовсе не ставим между ними знака равенства. Общение с Богом – это предназначение, цель, содержание самой жизни человека. Общение с демоном – вечный распад, где нет исчезновения как разложения на элементы простой и единой природы души. Здесь – распад и противодействие сил и энергий души, здесь – движение от центра к периферии, которое также не имеет предела; поэтому здесь смерть – в самом страшном и зловещем смысле этого слова – бессмертная смерть.

Некоторые недоумевают: как за грехи, содеянные во времени, душа будет осуждена на лишение вечной жизни. Но тайна этого в общении⁷: участь грешника – вечное общение с сатаной, вечное уподобление сатане, вечное удаление от Бо-

Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам (Откр. 10, 5–7). – Ред.

⁷ «Тайна этого в общении...». Очевидно, отец Рафаил хочет сказать, что лишение вечной жизни является не *карой*, но естественным *результатом* того общения, которое в жизни земной было избрано человеком добровольно. – Ред.

га, вечная потеря. Здесь, на земле, определяется, с кем душа – с Богом или с дьяволом. Там, в вечности, уже не определение, а осуществление, поэтому так ценна земная жизнь, так дорого каждое ее мгновение, которое может быть ступенью лестницы, ведущей ввысь, к духовным небесам, или вниз, в бездну, поистине не имеющую дна. Поэтому время – наш друг и наш враг; первое или второе зависит от направления нашей воли.

Ворон и сова, колокол и часы

«Мысль о том, что после смерти нет ничего, дает мне большое утешение» – так или примерно так писал в своих мемуарах маркиз де Сад⁵, по имени которого назван один из пороков, относящихся к области сексопатологии. Эта фраза в перевернутом виде могла бы стать беспощадным обличением того феномена, который называется атеизмом, а именно: «Я хочу найти утешение в мысли о том, что после смерти ничего нет, поэтому там ничего нет».

Пожалуй, эта надежда на будущее небытие – единственное утешение, которое нашел на дне греха и порока де Сад. Человеческая совесть имеет свой голос, неумолимо свидетельствующий о неотвратимости справедливого возмездия. Поэтому человек не может найти счастья в грехе. Совесть не только напоминает ему об адских муках, она дает ему почувствовать будущее состояние тоски и мрака, как бы подводит его к преддверию ада. Человек борется со своей совестью, как с врагом, и наконец находит жалкое утешение в той же мысли: «После смерти нет ничего». Свою книгу де Сад подарил Наполеону Бонапарту – верному слуге смерти. Но император, восприняв такой подарок как личное оскорбление, посадил в ответ дерзкого маркиза в тюрьму.

Духу человека присуще некое чувство вечности, чувство, которое невозможно передать словами. Дух – это око души;

но, как и телесные очи, он очень нежен и уязвим. Греховная жизнь парализует силы духа, и человек практически теряет ощущение вечности. Она становится для него абстракцией и загадкой, великим «не знаю», неизвестным, которого он не может разгадать. Но даже после потери духовности и замены ее душевностью размышления о вечности и смерти мучают человека, живущего своими страстями. Совесть хотя бы шепотом напоминает ему, что в самом «не знаю» заключается «может быть», и даже смутные тени вечности наполняют его душу тревогой. Он хватается за мысль: «После смерти мое сознание погаснет, а тело истлеет, как труп собаки, перед которой у меня нет в этом смысле никакого преимущества. Я погружусь в бездонную пустоту, я исчезну. Какая разница, делал я добро или зло. Смерть сравнивает всех и всё. Ради чего, с какой стати я должен отказывать себе в чем-либо? Жизнь – это мыльный пузырь, сверкающий на солнце. От него через мгновение останется лишь мокрое пятно, которое высохнет без следа. Вера и нравственность – это старые предрассудки, цепи, которые люди сами надевают на себя. Раз нет вечности, то мне все дозволено, все можно».

Уверив себя, что вечности нет, человек в то же время настойчиво отгоняет мысль о смерти, чтобы не портить себе настроение. «Дайте мне спокойно докурить сигарету, а затем что будет, то будет», – откровенно сказал мне один современный интеллектуал, готовый рассуждать обо всем на свете: от этики Аристотеля⁶ до парадоксов Сартра⁷, от мифов

Вавилонии до новелл Кафки⁸ – обо всем, за исключением вопроса о собственной смерти. Есть обычай: в комнате, где находится гроб с покойником, завешивают зеркала, чтобы в них не отражалось несколько гробов. Человек боится, что в зеркале его памяти останутся образы смерти, и потому старается заполнить свое сознание любым содержанием: работой, искусством, наукой, новостями, игрой в политику, вином и наркотиками, лишь бы забыть о неизбежном конце, лишь бы в душе не появилась, точно ночной призрак, картина гроба, в котором лежит знакомый ему покойник – он сам, с заострившимся желтым лицом.

Течет река времени. Она несет на своих волнах, словно в объятиях, плот, украшенный различными цветами. Это – наша жизнь. Люди на плоту любят берега, как будто плывущими им навстречу, беседуют друг с другом, рассказывают истории, небылицы... Они смеются, плачут и поют, но никто из них не думает, что за каждым поворотом реки может оказаться водопад, и плот их, как путник, сорвавшийся с обрыва в бездну, будет разбит о камни, и кипящая стремнина реки станет для них могилой.

Гейне⁹, отличавшийся не только своими поэтическими дарованиями, но и наглостью, дерзко написал: «Пусть мертвые тлеют в могиле, живому дай жизни вполне» (так, или примерно так) – и, следуя собственному совету, получил известную болезнь, которая закончилась для него многолетним параличом и слабоумием. Еще до смерти он, как труп в

могиле, лежал в своей комнате и, как в гробу, тлел на своей кровати. В расцвете своей славы он смеялся над Богом и над смертью и этот демонический смех сделал источником своего литературного дохода. Он был влюблен в земную жизнь с ее мимолетными наслаждениями, но мир, кроме которого он ничего не хотел ни знать, ни видеть, посмеялся над ним самим. Его судьба похожа на аллегория или на притчу со зловещим концом – о том, как человек полюбил змею, любовался ею, носил на своей груди, и она в благодарность за эту любовь ужалила его в сердце. Так поступает мир с теми, кто, забыв о своей душе и о небе, предается ему.

Здесь, на земле, о времени и смерти напоминают два существа и два предмета: ворон и сова, колокол и часы. Одинокий ворон, сидящий на ветке с опавшими листьями, похо-

жий на знак вопроса, как будто задумался: что происходит в этом мире, где начало тому потоку, который называется временем, и где кончается он? Эта птица с черным оперением, похожим на траур, неподвижно сидит на заснеженном дереве, точно каменное изваяние, как будто хочет выйти из времени, из того, что меняется и проходит. Туча воронов, собирающихся над трупом, – это вестница смерти. Жизнь ворона – терпеливое ожидание чьей-либо гибели: для ворона труп – его пища, значит, смерть – его жизнь. Само хриплое карканье ворона похоже на удары сухих костей, на треск срубаемых ветвей, на шум падающих камней.

Сова любит пустынные места. Она поселяется вдали от шумных городов, в лесных трущобах или в расселинах скал. Один человек рассказывал, как однажды он посетил пустынников, живших в горах Сванетии⁸. Путь туда был долгий и трудный. Он со своими спутниками то переходил стремительные горные речки, то карабкался по уступам скал, то поднимался к вершине, за которой, как за волной волна, высилась другая гора, то спускался в ущелье, где даже днем царит сумрак. Наконец он добрался до убогих жилищ пустынников – нескольких домиков, сложенных из бревен и обмазанных глиной.

Пустынники особенно любили ночную молитву. Они делили ночь на несколько частей и спали урывками. Этот че-

⁸ Сванетия – историческая область в Грузии, на юго-западных склонах Главного Кавказского хребта. Делилась на Верхнюю и Нижнюю. – *Ред.*

ловец спросил: «Имеете ли вы, как обычно в монастырях, колокол или деревянное било, чтобы собираться в условленное время на молитву?». Они ответили: «У нас есть ночной колокол. Ты услышишь его». И вот около полуночи какой-то звук, похожий на плач, прорезал ночное безмолвие, как будто сама тишина гор застонала, как хрусталь от удара. Звук повторялся в каком-то протяжном ритме. Это был печальный крик совы, словно плакальщица над гробом оплакивала мертвеца.

Горы, лежащие к востоку от Сухуми, были для монахов излюбленным местом на протяжении многих веков. Там встречаются камни с вырезанными на них крестами, указывающие место чьей-то могилы, или человеческие кости в какой-нибудь заросшей кустарником пещерке. Казалось, что сова по ночам оплакивает тех, кто жил здесь, и напоминает о неизбежности смерти. Говорят, что сова, хотя избегает обычно человеческих селений, тем не менее почему-то любит селиться около монашеских хижин. Куда приходят монахи, там появляется сова, как их спутница, и они слышат по ночам ее крик, призывающий к покаянию. Сова не спит по ночам в поисках добычи, и монах ищет по ночам в молитве свое единственное сокровище – благодать Духа Святого, пищу и питье своей души.

Ночью дивная картина открывается в горах. Вершины, озаряемые светом луны, приобретают темно-голубой цвет, как будто волны подземного моря выплеснулись из недр зем-

ли и застыли на лету. Деревья дремучего леса стоят неподвижно, точно изваяния. Ущелья кажутся черными безднами, глубокими, как само небо, непроницаемыми, как духовная тайна. Звезды кажутся искрами от пожара, который пылает за ночным горизонтом, искрами холодного огня. В горах особая тишина. Можно слушать эту тишину с таким наслаждением, с каким уставший путник пьет воду из горного ручья. А протяжный крик совы еще более оттеняет эту глубокую тишину. Этот крик, раздающийся по ночам, – песнь о смерти. Вид гор, сливающихся с ночным небом, – песнь о вечности.

Голос, который говорит: «Время проходит, спеши; ты не владеешь временем, оно дано тебе взаймы», – это бой часов. Он напоминает, что наша жизнь – умирание. Мы говорим: «Человек жил тридцать лет». Но можно сказать по-другому: «Человек умирал тридцать лет»; умирал с первого дня своего рождения. Часы – это шкала потерь и счет убытков. Чем

мы заполнили минувшее время, с чем соединили прошедшее мгновение? Иногда мне кажется, что циферблат часов похож на картину космоса, а двенадцать цифр – это двенадцать знаков небосвода, двенадцать его мысленных частей. Центр циферблата – наша Земля, а стрелки – движение космоса. Раньше были песочные часы или водяные, где одна за другой падали песчинки или капля за каплей сочилась вода. Последняя песчинка в часах – последний удар человеческого сердца, последняя капля – последний вздох человека. Были солнечные часы, где время указывала тень. Утро – образ детства, полдень – зрелости, вечер – старости. А затем солнце заходит за горизонт, тени меркнут, наступает ночь; безмолвствуют часы, как будто умирает само время.

Голосом, напоминающим о вечности и о смерти, говорит звон колокола. Ударами колокола оканчивается погребение. В колокол звонят, когда мимо храма несут покойника на кладбище. Говорят, что в минувшие века во время эпидемий, особенно чумы, непрерывно били в колокола, чтобы очистить воздух от заразы. Звон колокола как бы расчищает путь для души усопшего, отгоняет от нее темных духов, которые, как стая хищников, окружают и преследуют ее. Звон колокола – это прощание живых с умершими. Гроб опускают

в могилу при звуках колокола, как будто корабль отплывает от берега в бескрайние просторы океана. Звон колокола вызывает глубокие размышления о скоротечности земной жизни. Он напоминает также о воскресении мертвых, о котором возвестит миру глас Архангела и звук трубный⁹. Колокольный звон призывает к богослужению: «Странники земные, спешите в свой дом, где пребывает ваш Небесный Отец; этот дом – храм». Звон колокола возвещает о Таинстве Святой Евхаристии. Он словно говорит: «Христианин, где бы ты ни был, остановись и подумай о вечности».

Говорят, что раньше на берегу моря, в местах, где были рифы и подводные камни, ставили колокол на высоком столбе и в безлунные ночи, особенно в непогоду, звонили в него, чтобы мореплаватели, сбившиеся с пути, не потерпели крушение и не погибли. Для нас страшная опасность – забыть о смерти. И здесь колокол пробуждает душу от глубокого сна.

Вороны, почуяв добычу, срываются с веток, как черные листья, и с хриплыми криками кружатся над лесом.

Звон колокола возвещает, что покойника внесли в кладбищенские ворота, из которых никого не выносят назад. Скрип железных ворот – точно скрежет зубов смерти.

...Настает ночь в горах, и пустыня оглашается протяжными криками совы. С первыми проблесками рассвета сова за-

⁹ См.: *Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде* (1 Фес. 4, 16). – Ред.

молкает и погружается в сон, словно для того, чтобы не видеть тленной красоты этого мира и его суеты. А ночью она снова будет звать пустынных на молитву.

Кто помнит о смерти, тот не может грешить

Три вещи неизвестны человеку: когда он умрет, где он умрет и какая участь ожидает его за гробом. Поэтому человек должен всегда ожидать смерти и постоянно помнить, что день сегодняшней может оказаться днем последним. Поэтому именно сегодняшний день – день спасения. Господь обещал принять грешника, если тот покается от всего сердца, но Он не обещал какого-то точно определенного времени для покаяния, ибо ведал лукавство человеческой души.

Зная день и час своей смерти, человек будет говорить в сердце своем: «Это еще далеко, успею взять от этой жизни все, что она может дать, а затем, перед смертью, начну покаяние». Но покаяние – это желание быть с Богом, это начало борьбы с прежним хозяином, демоном, которому человек служил всей своей греховной жизнью, это возможность стяжания благодати. Лукавое сердце, которое хочет обмануть Бога, окажется не способным к покаянию: перед смертью оно окаменеет, и человек впадет или в холодное безразличие, или в отчаяние¹⁰. Поэтому Господь премудро сокрыл

¹⁰ У преподобного Исаака Сирина говорится об этом в таких словах: «Кто, в надежде на покаяние, поползнет вторично, тот лукаво ходит пред Богом; на сего неведомо нападает смерть, и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели» (*Авва Исаак Сирин*. Слова подвижнические. Репр.

время смерти: ее не видно, как путника в тумане; она входит в дом без стука; она, как неожиданный гость, не предупреждает о своем приходе; она уводит человека за собой, как страж уводит узника на суд, – в том, в чем застанет его.

Человек всегда грешит, поэтому чувство покаяния должно быть для христианина постоянным чувством; враги же смертной памяти суть *многопопечительность, многословие и шутки*.

Многопопечительность – это напрасное расточение времени. Человек забывает о самом главном – о себе самом. Ему постоянно не хватает времени, чтобы наконец задуматься: кто он, зачем он на земле? Он похож на брошенный на зеленое поле бильярдного стола шар, который от невидимых ударов катится, как бы мечется из стороны в сторону. Человеку даже некогда подумать, зачем и кому все это нужно: эта спешка, этот вечный бег! Такой человек не оставил Богу в своей жизни места, он забыл о смерти, он не видит своих грехов. Метафизические вопросы интересуют его меньше, чем наличие жизни в далеких галактиках. Ему кажется, что подобными вопросами могут заниматься только бездельники или мечтатели, а у него для таких пустяков времени нет. В этой постоянной суете, в этом водовороте дел он словно прячется от Бога. Смерть настигает его неожиданно. Он похож на бегуна, который внезапно падает, споткнувшись о камень. Умирая, он думает о том, что не окончил своих дел. Вечная

жизнь и духовный мир для такого человека – неприятная, страшная неожиданность.

Второй враг памяти о смерти – многословие, одно из проявлений скрытой гордыни. Господь говорит в Священном Писании: *на кого воззрю? Только на кроткого и молчаливого*¹¹. Истинно так: смирение и кротость, столь любезные Богу, сопряжены с молчанием. Многословие – страсть, подобная пьянству, она поработывает человека, так что он становится как бы придатком собственного языка. Если человек, превративший себя в рабочего муравья, отнял у себя время, данное ему для приготовления к вечности, растратил его на внешнее и стал духовным банкротом, то болтун – вор не только своего, но и чужого времени.

Болтун в глубине души считает, что он уже все знает и ему остается только одно: учить других. А ведь на деле многие говорят лишь потому, что не научились молчать. Святые отцы утверждали, что человек, сделавший из великого дара – слова – развлечение для себя, похож на блудника. Поэтому многословный человек отвратителен для людей, чужд Богу.

Многословие – это бессмысленное расточение душевных сил. Молитва человека многословного делается немощной, рассеянной, сухой, подобно чахлому растению. Много говорящий теряет способность глубоко мыслить, не может остановить, сконцентрировать свою мысль на требующем внимания вопросе. Он становится похож на обжору, глотающе-

¹¹ Ср.: Ис. 66, 2.– *Ред.*

го пищу, не разжевывая ее, уподобляется колокольчику, который звенит, потому что пуст внутри. Или – обтянутому ослиной кожей барабану, который своим грохотом заглушает все. Истинно: «Слова расточают, молчание собирает»¹². Конец многословия – опустошение души и потеря благодати. Всевидящий Бог как бы «не видит» человека-пустослова, потому что и тот не способен в сердце своем видеть Бога, не способен к богообщению, требующему сосредоточения мысли. Рыбак выуживает рыбу из воды, когда она заглатывает крючок своим ртом, а здесь диавол держит болтуна, как свою добычу, за язык.

Смерть – это тайна, а соприкоснуться с тайной можно только в безмолвии. Болтун может жить у самого кладбища, видеть, как каждый день мимо его окон несут гробы, и в то же время не помнить о том, что когда-нибудь придется умирать и ему. Память смертная требует того, что болтун потерял, – способности созерцать, как бы запечатлевать письмена на собственном сердце. Память о смерти, как и все, необходимое для спасения, это благодатный дар¹³, а болтун, за

¹² Преподобный авва Исаия-отшельник говорил: «Люби лучше молчать, чем говорить; ибо молчание собирает, а многоглаголанье расточает» (Добротолюбие в русском переводе. Репр. М., 1998. Т. 1. С. 395). – *Ред.*

¹³ «Должно знать, что память смертная, как и все другие блага, есть дар Божий, ибо часто, находясь и у самих гробов, мы пребываем без слез и в ожесточении, а в другое время, и не имея такого печального зрелища перед глазами, приходим в умиление» (*Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Слово 6, глава 20). – *Ред.*

шумом произносимых им слов, не может услышать в своей душе тихий голос благодати.

Смерть приходит к словоблуднику так же неожиданно, как и к многопопечительному: ведь, перебирая и обсуждая чужие дела, он совсем забыл, что она существует. Но если человек, погруженный в суетные заботы, уходит из этого мира пустым, то болтун вовсе не пуст: у него за плечами целый мешок чужих грехов, ставших **его** грехами. По привычке он пробует заговорить с самой смертью, но не получает ответа.

Не меньше, чем многословие, противна памяти смертной и привычка постоянно шутить. Царь Соломон сравнивал смех с треском горящего хвороста, который дает дым, но не тепло¹⁴. Шутки и насмешки – то же пустословие, только пропитанное ядом, который, подобно змее, копит человек в своем сердце. Человек – образ Божий. Насмешка – желание представить его в безобразном виде, то есть лишить образа Божия, показать уродливым, как Квазимодо.

Шутка делает человека циничным и наглым. Это порождение гордыни: насмешник стремится унижить ближнего, чтобы показать свое мнимое превосходство. Мы испытываем удовольствие, когда слышим шутки, именно потому, что они дают разрядку потенциалу накопившегося в нас зла. Мы склонны выдавать шутку за благодушие, но ни один шутник не любит, чтобы смеялись над ним.

Синоним слова «диавол» – «шут». И действительно: диа-

¹⁴ См.: Еккл. 7, 6.– *Ред.*

вол забавляется, играя с человечеством, он смеется над гибелью людей. Поэтому человек, который привык шутить, подражает демону. Как фантаст создает некую иллюзорную «реальность», так шутник строит музей уродств, в который приглашает посетителей. Его душа находится в мире зазеркалья, только у каждого зеркала – кривая поверхность. Помню, как однажды, когда я был еще ребенком, родители повели меня на какой-то аттракцион. На площади стояла большая палатка в виде шатра, внутри были размещены огромные зеркала с выпуклой и изогнутой поверхностью. Я видел в них себя то похожим на лилипута с огромным животом, то вытянутым вверх, точно меня растянули, как резину, так что голова касается потолка, то разрезанным на части, то перевернутым вверх ногами. Я не понимал, почему смеются вокруг люди, – мне эти зеркала внушали страх, как будто они похитят меня и сделают другим, как будто я исчезну в глубине зеркал, а оттуда выпрыгнут уроды, похожие на меня. Я стал прижиматься к матери.

– Тебе скучно? – спросила она.

– Да, – ответил я.

Как видно, этот балаган не понравился и ей самой, и она быстро вывела меня из палатки. Я обрадовался, что остался таким же, каким был...

Основа религии – благоговение. Шутки и смех уничтожают благоговение и делают душу мертвой и бесплодной, подобно тому как знойный ветер песков превращает цветущие

сады в пустыню. Насмешник также не может размышлять о смерти, не может думать о метафизических вопросах: привычка шутить представит их в нелепом, уродливом виде. Говорят, что профессиональные шуты отмечают смерть своего собрата публичной клоунадой. Так, когда хоронили королевских шутов, то сама похоронная процессия превращалась в карнавал.

Господь сказал: *Горе смеющимся, потому что они будут рыдать*¹⁵. Смех заставляет человека забывать о существовании демонического мира, о том, в какой опасности находится его душа. Смех и шутки рождают дерзость. Сколько соблазнов и грехов начинается со смеха! Если пустослов быстро забывает о смерти, то острослов готов передразнивать смерть. Здесь – какая-то жуткая мистерия смеха, человек смеется над черепом, а череп смеется над ним.

О преподобном Исихии¹⁶ повествуется, что вначале он жил нерадиво и нисколько не заботился о своей душе. Тяжело заболев, Исихий умер, но затем Промыслом Божиим вновь был возвращен к этой жизни. Он увидел воочию лицо смерти, увидел рай и ад. После этого он затворился в своей келии и плакал день и ночь. Никто не слышал от него пустого слова, никто не видел улыбки на его лице. Умирая, он ска-

¹⁵ Ср.: Лк. 6, 25.– *Ред.*

¹⁶ О преподобном Исихии, иноке горы Хорив (VI в.; память 3/16 октября), подробнее см.: *Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы*. Лествица. Слово 6, глава 18.– *Ред.*

зал братии: «Простите, кто помнит о смерти, тот уже не может грешить». Первая смерть была для него неожиданной и ужасной, она застала его врасплох, как страж застигает вора на месте преступления. Смерть вторая исполнила его сердце радостью.

Кто не помнит о смерти, к тому смерть приходит как враг и ведет его в плен, точно закованного в цепи. Кто помнит о ней, к тому она приходит как друг и ведет его как освободитель от трудов и страданий в страну вечного покоя.

Царь Соломон сказал: «Спеши в дом плача больше, чем в дом смеха»¹⁷, а нередко человек делает «дом смеха» из собственного сердца, «дом», где нелепо и бесцельно проходит вся его жизнь. В постоянных заботах о мирских делах, многословии и смехе он хочет укрыться от какого бы то ни было напоминания о смерти: так согрешивший Адам, забыв о

¹⁷ См.: *Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к своему сердцу. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья* (Еккл. 7, 2, 4). – Ред.

всеведении Бога, тщетно и жалко прятался от Него среди деревьев.

Мы переживаем время, пропитанное фаустовским духом. Человек предлагает душу дьяволу, желая увековечить земное бытие. Дьявол – лжец, поэтому он охотно обещает то, что для него невозможно. Фауст выставляет для договора с сатаной, который подписывает собственной кровью, два условия. Первое – сатана должен дать ему наслаждение, которое наполнило бы его душу радостью, как наполняют кубок вином, до краев, когда он сказал бы: «Мне больше ничего не надо». Второе – сатана должен остановить мгновение, сделать его

продолжающимся бесконечно; время должно остановиться, как поток реки, внезапно превратившейся в лед.

Легенды о Фаусте собрал Гёте¹⁰ – оккультист высоких инициаций – и написал на основании их свою драму, которая является по сути своей розенкрейцерской мистерией. Здесь мы можем видеть сатанинскую стратегию: уничтожить память о смерти, употребив страсть. Страсть – это крючок, на который попадает человеческая душа. Страсть – это козырная карта в руках дьявола, когда он начинает свою игру с человеком. Дьявол обещает ему, как Фаусту, дать наслаждение, когда человек воскликнул бы: «Мгновенье, остановись!», и продлить это мгновенье, подобно тому как раскручивается нить шелкового кокона, только бесконечно. Всякая страсть противостоит памяти о смерти. Всякая страсть выбрасывает ее вон за пределы сознания. Память о смерти кажется человеку, ищущему счастья в наслаждениях, черной маской на свадьбе.

Для христианина же память о смерти, соединенная с молитвой, – это меч, направленный против демона. Пока человек помнит о предстоящем исходе, пока мистическое переживание смерти заставляет трепетать его сердце, он не может грешить, как не может, будучи в своем уме, спать у змеиной норы или веселиться в доме, охваченном пламенем.

Исполнение страсти – это ложная жизнь, это иллюзия того, что наслаждение может принести человеку счастье. И другая иллюзия – что наслаждение может продолжаться бес-

конечно (сердце должно поверить в такие нелепости, чтобы отдать себя страсти!). Вся человеческая жизнь – непрерывное крушение иллюзий – этих и иных, им подобных. Крушение иллюзий – урок, который человек постоянно получает и удивительно быстро забывает.

Диавол не может остановить время. Он сам ожидает Страшного Суда и вечных мучений. Но он может сделать нечто иное: отнять у человека память о смерти и внушить ему уверенность в незыблемости земного бытия.

Есть странная секта, у членов которой желание жить на земле вечно превратилось в навязчивую манию. Учение этой секты утверждает: люди умирают потому, что они поверили в свою смерть. И, следовательно, чтобы не умереть, достаточно поверить, что ты... не умрешь. Когда же кто-то из членов этой секты все-таки умирает, то это вовсе не отрезвляет остальных. Они говорят: «Их смерть произошла из-за маловерия, они поколебались в вере в то, что смерти нет, они допустили в своем сердце, что умрут, и были наказаны смертью за сомнение. Но это их дело, а мы верим, что не умрем, и будем жить вечно».

Эта секта возникла в XIX веке там, где она должна была возникнуть – в Америке, и существует до сих пор. Члены ее медитируют на тему того, что они никогда не умрут, что смерти нет, а затем, неожиданно для себя, умирают и отправляются в крематорий или на кладбище.

Будем честны, рассмотрим по-настоящему в свое сердце:

не теплится ли там что-то похожее на надежду этих несчастных сектантов? Не утешаем ли мы себя мыслью, что смерть, закрыв глаза, пройдет мимо нас, что мы одни окажемся скрытыми от ее всевидящих очей? Ум говорит: «Я умру, Промысл Божий еще до сотворения мира уготовал мне могилу, где тело мое пребудет до Страшного Суда». Душа возражает: «Нет, я не умру, это слишком ужасно, чтобы могло быть правдой». Что делать нам в этом споре ума с душой? Просить, чтобы Господь даровал нам, как сказано в молитве святителя Иоанна Златоуста, «память смертную и умиление»¹⁸, которое рождается от этой памяти в человеческом сердце. Пусть наше сердце будет твердым, как камень, а слова молитвы мягкими, как вода, но струи воды, падая с высоты на камень, постепенно истончают его.

Есть картина: преподобный Макарий Великий размышляет о смерти. Египетская пустыня. Вдали видны пирамиды – эти надгробия над могилами древних фараонов. Около пещерных келий сидит на камне преподобный Макарий. Перед ним – человеческий скелет и брошенные лопата и кирка. Возможно, он хочет предать погребению земле монаха, жившего здесь до него. Преподобный погружен в размышление о скоротечности этой жизни. За его спиной стоит смерть. В одной руке она держит косу, в другой – песочные часы. Часы означают время, данное человеку. Коса – неизбежный конец.

¹⁸ Из молитв на сон грядущий, молитва 7-я, святого Иоанна Златоустого (24 молитвы, по числу часов дня и ночи). – *Ред.*

Справа от Макария стоит Ангел со свитком в руке. На свитке – надпись: «Макарий, спеши делать добро».

Иногда на этой картине изображаются солнечный день, песчаное пространство пустыни, груды камней, опаленных солнцем, почерневших и растрескавшихся, как после пожара. Тогда вся пустыня кажется образом смерти. Иногда же изображается ночь. Свет луны падает на кости и череп, как бы выхватывая их из мрака. Темнеющие где-то на краю горизонта пирамиды едва различимы. Здесь, у келии преподобного Макария, – точно битва темных и светлых сил. Макарий смотрит на останки почившего, чтобы мир не прокрался в какой-нибудь уголок его души, чтобы не привлек к себе ни одну из его мыслей, оторвав ее от молитвы, хотя бы это был помысл, тонкий, как волос, который трудно увидеть, который мы во мраке своей души не различили бы никогда. Кажется, что мир, словно птицелов, расставил свои сети, но преподобный, простерши два крыла – молитвы и памяти смертной, поднялся выше их и парит, подобно орлу, в необъятном просторе небес.

Как умирают люди

Больница – это тоже указанный Соломоном дом плача и школа памяти о смерти¹⁹. Приходилось ли вам видеть, как умирают люди? В больнице их помещают в особые палаты, чтобы другие больные не видели смерти, которая может прийти за любым из них. Впрочем, к умирающим допускают в виде милости родных и друзей, как к узнику, заключенному в камеру смертников, для последнего прощания.

Видимый мир отделен от невидимого непроницаемой стеной, но для умирающего эта преграда становится все более тонкой, прозрачной, проницаемой, как будто он, умирая, находится в двух мирах. Он слышит голоса, которые не воспринимает наш слух; кажется, что к постели умирающего приходят те, кто опередил его на пути к вечности, особенно с кем он был связан узами дружбы и любви. Умирающий тихим шепотом называет имена уже ушедших; особенно часто он произносит слово «мама». Наверное, мать остается и после смерти самым близким существом для своего ребенка, хотя бы он и был уже глубоким стариком.

Нередко глаза умирающего человека становятся удивительно глубокими и ясными, как будто с них спадает пелена видимого мира – образы его вещей и предметов. Его взгляд устремляется куда-то вдаль, он не видит окружающих лю-

¹⁹ См.: Еккл. 7, 2, 4.– *Ред.*

дей, но начинает видеть то, чего еще не видим мы, перед ним открывается что-то великое и необычайное. Меня поразили глаза умирающего, которого я видел в детстве. Они были похожи на две голубые бездны или на два кристалла, в которых отразилась вечность. Я видел смерть неверующего, он чувствовал, что умирает, и умолял врачей продлить его жизнь, как будто сами врачи не умирают, как будто бессмертие на земле во власти человека. «Скоро будет весна, – говорил он, – зацветут деревья, а я в это время буду лежать в земле. Какие вы врачи, если я умираю? Для чего вы нужны, если не можете спасти меня?». Одна из его соседок, верующая женщина, начала уговаривать его исповедаться и причаститься, намекая, что Причастие может исцелить его. Он неожиданно согласился, но умер в ту же ночь. Видимо, в душе он остался тем же, каким и был, и Господь, не найдя в нем покаяния, не допустил его до Причастия.

Я видел другую картину мучительной смерти: умирающий делал движения, точно отталкивал кого-то от себя, отстранял каких-то невидимых врагов, собравшихся вокруг него. Я видел на лице его печать страха, как у пойманного в капкан зверя.

Говорят, во время Причастия особенно видно внутреннее состояние человека, но оно приоткрывается также во время смерти. У одной монахини, которая страдала многие годы от туберкулеза костей и умерла в больнице, лицо после кончины стало таким светлым и прекрасным, что врачи собира-

лись, чтобы посмотреть на это преобразование после смерти, как на чудо (монахиня Любовь умерла в Сухумской больнице в семидесятых годах минувшего столетия). И наоборот, есть люди, лица которых после смерти темнеют, принимая тяжелое, мрачное выражение.

Те, кто читает Псалтирь над мертвыми, знают, как легко бывает молиться за некоторых людей, как будто вместе с ними молится душа усопшего; около некоторых гробов чувствуются покой и отрада: там нет ощущения смерти как потери, а есть радость, что душа вернулась в свой дом после земного странствования. Бывает особое чувство, извещающее, что душа спасена, словно сердце получило от нее весть из загробного мира. Но есть покойники, возле которых душа чувствует тоску, тяжесть и глухой, безотчетный страх, будто гроб их окружают какие-то темные существа. Трудно читать Псалтирь в таком доме: кажется, что тяжелеет язык и каждое слово произносится с большим усилием, точно читающий ворочает и поднимает тяжелые камни. От некоторых гробов исходит благоухание, а от иных – тяжелый запах смерти, но не похожий на обычное зловоние разлагающегося трупа: его воспринимает не обоняние, а какое-то внутреннее чувство души. Иногда у гроба случаются странные вещи: то гаснут и падают сами собой свечи, то никак не разжигается кадило, словно какие-то незримые существа кричат: «Что вам здесь нужно, он – наш!».

Однажды я причащал перед смертью профессора универ-

ситета, преподававшего одно время в Тбилисской Духовной Академии и Семинарии. Студенты любили его не только за знания, но и за чистоту души, которую он сохранил в этом растленном мире: он, казалось, шел через болото и не запачкался в грязи. Этот человек перед смертью сказал мне: «Не подумайте, что я решил причаститься в надежде, что это даст мне исцеление; в эти минуты я не прошу у Бога здоровья и продолжения жизни, я чувствую, что умираю, хотя от меня и скрывают мою болезнь; я хочу только одного: прощения у Бога, в Которого я верил всю свою жизнь».

В Гудаутах жила прислуживавшая при церкви послушница по имени Клавдия, духовная дочь схиигумена Саввы¹¹ из Псково-Печерского монастыря. Она заболела неизлечимой болезнью, дни ее были уже сочтены. Более того, врачи сказали, что она должна умереть с часу на час и чудо, что она еще живет. Я спросил ее:

– Не хочешь ли ты принять иночество?

Она ответила:

– Я духовная дочь схиигумена Саввы и боюсь что-нибудь сделать без его благословения. Однажды отец Савва подарил мне рубаху, похожую на власяницу, и спросил: «Не променяешь ли ты ее на другую?». Я ответила: «Нет». И до сих пор она у меня.

Я сказал:

– После монашеского пострига инок вручается старцу, а я, совершив постриг, скажу: «Я вручаю тебя отцу Савве».

Рубаха, которую он подарил, будет нужна для пострига. Так что ты останешься его духовной дочерью.

Она согласилась.

Я поехал в Сухуми, чтобы взять благословение у митрополита Илии¹². Он, выслушав меня, сказал:

– Дай ей не иночество, а мантию.

Во время пострига Клавдия встала с постели и сама держала крест и свечу. Когда я вернулся домой, мне сообщили, что после моего ухода она опустилась на колени, поблагодарила Господа за дарованную ей милость и так, стоя на коленях, умерла. Словно Ангел смерти, посланный за душой Клавдии, ждал, пока ее оденут в монашескую одежду, чтобы взять с собой, как невесту Христову...

В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, написано: *и умерших не лишай милости*²⁰. Эта милость – молитва за них, особенно – поминовение на литургии. Нередко, когда умирает близкий нам человек, у нас не только остается чувство невосполнимой утраты или боль разлуки, но в нашем сердце просыпается и чувство вины перед ним, ощущение неоплатного долга. Мы вспоминаем добро, которое он нам сделал, и неблагодарность, которой мы ему отвечали. Сколько боли мы причиняли нашим близким, какую жестокость проявляли по отношению к ним, сколько раз их сердце сжималось от наших слов, точно от ударов, и как же тяжело думать, что эту боль и нашу несправедливость они унесли с собой в страну

²⁰ Ср.: Сир. 7, 36.– *Ред.*

смерти, оставив нам запоздалое раскаяние, оставив в нашем сердце незаживающую рану!

Но мы можем исправить наши грехи и ошибки молитвой за умерших – еще в большей степени, чем если бы они были с нами на земле. И у мертвого мы можем попросить прощения, как у живого, особенно у его могилы. Было много случаев, когда души умерших благодарили за молитвы о них или являлись тем, с кем прежде находились во вражде, чтобы взаимно простить друг друга. Живые и усопшие отделены друг от друга, как преградой, веществом, но в Церкви Христовой наши души находятся с ними в единстве. Свет церковных молитв озаряет не только землю, но и глубины ада; он несет облегчение и отраду тем, кто может воспринять его лучи или даже тусклые их отблески. В этих молитвах – утешение мертвым и назидание живым; это плач о бренности и греховности нашей жизни, но в нем слышна и надежда. Мертвые ждут от нас милости. И как же будут они благодарить тех, кто молился за них, когда встретятся с ними в загробном мире!

Христианские кончины жизни нашего, безболезненны, непостыдны...

В церковных молитвах есть особое прошение о христианской кончине нашей жизни, о приготовлении к ней через покаяние и Святые Таинства²¹. Готовиться к смерти мы должны всю жизнь, но особенно важно не потерять те драгоценные дни, часы и минуты, когда человек, прощаясь с землей, уходит в вечность. «В чем застану, в том буду судить», – говорит Господь. «День смерти больше, чем день рождения» – так сказал преподобный Марк Фраческий²² монаху, который должен был похоронить его. День смерти, в сущности, и является днем рождения в ту жизнь, которой нет конца. Он является итогом, заключением, экзаменом и потому – приговором над человеком.

Почему Господь убажает плачущих²³? Плач – это разрушение земных иллюзий. Зная жестокость и окамененность нашего сердца, Господь посылает нам болезни, как предвестников смерти. Человек видит, как разрушается его тело,

²¹ См., например: «Христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшном Судищи Христове, просим». Последование Вечерни, просительная ектения. – *Ред.*

²² Память 5/18 апреля. – *Ред.*

²³ См.: Мф. 5, 4; Лк. 6, 21.– *Ред.*

с которым он себя отождествил, похоти которого заглушили голос духа. Он видит свое тело бессильным, разлагающимся заживо, как будто его пожирают невидимые черви; тело, источающее нечистоту и смрад, истощенное, изборожденное морщинами; тело, которое должно превратиться в труп; тело, в котором он искал наслаждения, обратившееся теперь в какой-то сгусток боли. Даже само общение с больными – уже напоминание о смерти: жизнь человека, прикованного к одру болезни, представляется подобной хрупкому стеклу, которое может сломаться от одного неожиданного удара. Бинты, пропитанные гноем, запах разлагающейся крови – все это словно образ греха, разъедающего человеческую душу, того страшного недуга, той раны, исцелить которую может лишь Божественная благодать.

Больница похожа на тюрьму. В тюрьме человека удерживают засовы и решетки, а здесь он прикован к постели болезнью, словно цепями. Болезнь дает драгоценную возможность для покаяния, она отрезвляет человека, она показывает ничтожность наших страстей, от «великолепия» которых остались только темные пятна в душе, она открывает нам всю ложь человеческой гордыни, она, как колокол в храме, зовет человека к Богу. Но опять-таки и это драгоценное время, которое может стать решающим для человека в вечности, стремится отнять демон, причем под видом добра. Самые близкие люди стараются сделать все, чтобы смерть застала больного врасплох. Они скрывают от него, что болезнь

смертельна или опасна, они лгут, что он скоро поправится, они тешат его несбыточными надеждами, они уверены, что даже намек о смерти отравит последние дни умирающего. Еще можно было бы понять, если бы это делали неверующие люди, для которых рождение – случайность, а смерть – неизбежность; но так поступают многие христиане, не понимая, что они становятся предателями спасения человека, духовными убийцами того, кого они любят.

Бывает так, что родные и близкие умирающего боятся напомнить ему о необходимости исповедоваться и причаститься или медлят позвать священника, чтобы больной не догадался, что болезнь приняла серьезный оборот. Для врачей скрывать от больного его состояние, то есть лгать и обманывать его, стало неписанным правилом медицинской этики, а вернее, этикета. Между тем нераскаянные грехи мучают душу человека, хотя бы он и сам не сознавал этого, а покаяние и причастие Святых Таин доставят ему мир и спокойствие, подадут исцеление или силы достойно, с покорностью воле Божией встретить смерть. Как часто священника зовут к больному уже тогда, когда тот потерял сознание и не может причаститься! Насколько лучше в этом отношении поступают китайцы, которые дарят своим родителям в знак любви гробы, и те принимают этот подарок с радостью и благодарностью, как заботу детей об их посмертном жилище. Если умирающего не предупредить о том, что вот-вот и он оставит этот мир, и тем самым духовно убить его, то он в объятиях

смерти будет проклинать тех, кто его усыпил и обманул.

Мышление современных людей направлено на то, чтобы, лишив человека памяти о смерти, дать ему беззаботно, мы бы сказали «комфортно», умереть. Эта кровать порождает, в свою очередь, другое зло, не менее опасное: если болезнь

мучительна, а возможности выздоровления нет или она ничтожно мала, то возникает вопрос: не будет ли милостью прервать эти мучения, то есть или прекратить лечение, или дать человеку вещество, например, наркотик в большой дозе, который безболезненно убил бы его? В некоторых странах уже принят закон, который предоставляет врачам и родственникам право решать вопрос о жизни и смерти больного. Здесь – тот же гуманистический атеизм или атеистический гуманизм противостоит Промыслу Божию, и человек берется решать вопрос о жизни и смерти, хотя решение это принадлежит только Богу. По правилам Церкви, если умирающий выразил каким-либо образом свое раскаяние, то какова бы ни была его прошлая жизнь, над ним совершается христианское погребение и другие заупокойные молитвы. Таким образом, даже краткое предсмертное покаяние дает надежду на спасение – остальное решает Господь. В Евангелии говорится о раскаявшемся разбойнике: уже будучи пригвожденным ко кресту, он хулил Спасителя, но вдруг, словно луч небесного света, осияла его сердце вера и его предсмертное покаяние было принято Господом²⁴.

²⁴ См.: Мф. 27, 44; Лк. 23, 39–43.– *Ред.*

Представим другую картину. Предположим, что когда этого разбойника вели на место казни, кто-нибудь дал бы ему яд, чтобы облегчить страдания, и разбойник умер бы на пути до распятия. Что было бы тогда с его душой? Она пошла бы в ад.

Врачи, усыпляющие больного смертельной дозой наркотика, лишают его, быть может, последнего шанса – покаяния перед смертью, хотя бы это покаяние и было соединено с последним вздохом. Поэтому новое учение «о легкой смерти» как милости к больному превращается в непоправимую жестокость.

Современный человек всеми силами избегает вспоминать о смерти. Многие боятся посещать кладбища, присутствовать на похоронах, даже видеть гроб близкого человека. Психиатры внушают своим пациентам не думать о смерти, чтобы избежать фобий и неврозов. Если сравнить память о смерти с отдаленными раскатами грома, то люди готовы заткнуть уши воском, чтобы не слышать их; если сравнить с блеском молнии, озаряющей ночь, то люди готовы носить на глазах повязку, чтобы жить в темноте.

Человека всегда сопровождают два невидимых спутника: Ангел-хранитель и демон. Демон влечет его к греху через похоти, Ангел-хранитель удерживает от греха, напоминая о смерти. Некоторые люди считают, что память о смерти может парализовать волю человека, сделать его не способным к труду, лишит цели в жизни, погрузить в состояние постоянного уныния, в то, что называется протрацией. Но это не так. Уныние есть следствие разочарований или неисполненных желаний. Память же о смерти, напротив, заставляет человека дорожить временем, помогает понять, что его истинная цель лежит за чертой земной жизни. Она разрушает не жизнь, а иллюзию жизни, она само время подчиняет вечности. Память о смерти дает мужество в испытаниях, утешение в скорбях, так как для христиан сама смерть озарена светом

воскресения.

Войдите в палаты, где лежат умирающие. У дверей стоят носилки, на которых трупы понесут в морг и положат их там один на другой, как дрова в поленнице. Посмотрите на умирающих от чахотки: их тела жжет невидимый огонь. Кожа обтянула кости, а при дыхании изо рта выходят кровавые пузыри. Посмотрите на умирающих от рака: как будто спрут обвил их тела своими щупальцами и медленно пожирает их. Посмотрите на умирающих от гангрены: тело становится у них черным, как уголь, они гниют еще заживо, словно трупы. Посмотрите в глаза всех этих людей: кажется, они уже смотрят куда-то за пределы этого мира. Но последний вздох – первый шаг в неизвестность, в этот момент глаза человека меркнут и точно превращаются в тусклое стекло.

Премудрый Соломон писал: «Тело, взятое из земли, идет в землю, а душа – к Богу, создавшему ее, на суд»²⁵. Теперь возрождается языческая традиция: сжигать трупы; человек превращается в горсть пепла. Для христиан образ сжигающего огня – это образ ада. Для язычников – их неверия в воскресение. При кремации становится как бы неуместным и самый чин христианского погребения²⁶. Слова молитвы

²⁵ См.: *И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его* (Еккл. 12, 7). – *Ред.*

²⁶ Слова «становится неуместным» нельзя, разумеется, понимать буквально. Мы живем в такое время и в таких условиях, что далеко не всегда человек, умирая, может обязать своих близких не кремировать по смерти его тело, но предать его по христианскому обычаю земле. И Церковь, конечно же, не может отказы-

«земля еси и в землю отыдеши»²⁷ должны быть изменены: «земля еси и в огонь отыдеши». Могилу, которую осенял бы крест, сегодня так часто хотят заменить и действительно заменяют урной или коробкой с горстью пепла – так легче избавиться от памяти о смерти.

вать сегодня в заупокойных молитвах тем, чье тело не возвратилось в землю, но было сожжено в огне крематория. – *Ред.*

²⁷ Последование погребения мирских человек, икос по 6-й песни канона // Требник. М.: Издательство Московской Патриархии, 2000. С. 183.– *Ред.*

Обманутые миром

Самый трагический вид смерти – самоубийство. Самоубийца сам вычеркивает себя из числа живых. Но и умершие не хотят принять его к себе. Прежде самоубийц не хоронили на кладбищах, их могилы не осенял крест, на могильном камне не зажигали свечей. В старые времена самоубийц погребали где-нибудь у дороги, вдали от человеческого жилья, как будто люди отгоняли их от себя, точно прокаженных.

Что заставляет самоубийцу уйти из жизни, как выходят из ворот чужого дома? Что заставляет человека искать свободу в смерти, как узник ищет свободу от оков? Почему жизнь становится для него невыносимым и беспросветным мучением? Причин и поводов много, но если каждое самоубийство – это роковая песнь души, пропетая дьяволу, то все они пронизаны и объединены одним лейтмотивом, который проходит, как стон, через эту обреченную толпу, фантаσμαгорию перекошенных болью лиц, мрачную симфонию человеческих душ, через этот черный реквием отчаяния. Этот лейтмотив – потеря надежды.

Человек отождествил себя с землей, кроме этой жизни, он не видит ничего, он хочет счастья, но счастья нет: мир не способен дать ему то, чего не имеет сам. Человек может найти счастье только в том, что сродни его душе, а его душа – не от земли, а от неба. Его воображение и страсти создают ил-

люзию бытия, но она рушится, столкнувшись с реальностью. Этот контраст между воображаемым и действительным, воспринимаемый человеком как крушение всех надежд, как обман, как трагикомедия, персонажем которой он стал, оборачивается в его душе уверенностью, что жизнь – ложь и сгусток боли, а вечность – зияющая пустота.

Говорят, что скорпион, будучи пойманным, ударяет ядовитым хвостом себя в голову, чтобы избавиться от врага, и собственный яд пускает в самого себя. Так и самоубийца хочет уйти от противоречий и страданий, от разочарований и позора, от обмана и душевной боли в такую же иллюзорную, как его прежняя жизнь, метафизическую пустоту. Для него жизнь и смерть меняются местами: он так же жаждет умереть, как другие стремятся жить. Счастья в этой жизни нет, но метафизической пустоты – черной пропасти, где гасли бы чувство и сознание, где человек растворялся бы, превращаясь в ничто, – тоже не существует, и человек переходит в область того мрачного и богоборного духа, через которого пришла на землю смерть.

В самоубийстве могут присутствовать два фактора: или неверие в Бога, или ненависть к Богу – третьего быть не может. Либо самоубийца считает, что жизнь – случайность, самовозгоревшаяся искра в мертвом пространстве космоса, либо же если верит в Творца мира, то считает Его виновником зла. Поэтому самоубийство – это совершенное отречение от Бога.

В человеке живет грех: это безобразное чудовище, обитающее в глубине его души. Между тем человек как образ Божий стремится к красоте. Страсти рисуют ему грех в пленительном виде, но затем наступает горькое внутреннее прозрение. То, что казалось прекрасным, прямо у него на глазах становится уродливым, безобразным. Это скрытый в душе конфликт, постоянно переживаемый человеком. Если нет стимула бороться с грехом и страстями, то человек не знает другого внутреннего состояния, кроме чередования обольщения и разочарования, наслаждения и пустоты, миража счастья и его гибели. Характерно, что значительная часть самоубийц – это именно те люди, которые воспевали земную красоту, служили ей как своему идолу, искали в ней счастье. Кумир – это глиняное или каменное изваяние, покрытое позолотой: он блестит издалека, а от частых прикосновений к нему позолота слезает. Быть может, поэтому больше всего самоубийц среди алкоголиков и поэтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.